

Цифры от одного до тридцати он уже заучил, да и со сложением и вычитанием освоился, так что задачи щелкал одну за другой. Ян Минъи трудился с похвальным усердием. Фан Цзычэня рядом не было, поэтому юноша плотно закрыл дверь, чтобы не отвлекаться. Гуай-цзай же тихонько сидел в сторонке, сосредоточенно пересчитывая собственные пальчики; когда это занятие ему наскучило, он не стал бегать по комнате или трогать чужие вещи, проявляя редкую для его возраста благовоспитанность.

Окно позади него было распахнуто, открывая вид на оживленную улицу. Заметив, что Минъи полностью поглощен работой, малыш соскользнул с табурета, подкрался к подоконнику и, опершись на него пухлыми ручками, принялся с любопытством наблюдать за прохожими.

В комнате воцарилась атмосфера тишины и созидательного покоя.

Этим утром Чжао-гэр встал ни свет ни заря. Цзычэнь советовал ему прилечь отдохнуть, как только тот вернется домой, но Чжао-гэр, едва переступив порог, сразу же направился к дому Чжоу-гэра.

Тот в это время как раз трудился на огороде.

Раньше Чжоу-гэр опасался, что не сможет распродать овощи, а для своей маленькой семьи много и не требовалось, поэтому засеивал лишь половину участка. Теперь же он решил задействовать всю землю. Быка в хозяйстве не водилось, так что пахать и рыхлить почву приходилось своими силами.

Чжоу-гэр в широкополой соломенной шляпе работал до седьмого пота, когда на поле пришла тётушка Ли.

— Чжоу-гэр...

— Матушка, — он разогнул спину. Сын словно ожидал этого визита, поэтому не выказал ни капли удивления, спросив совершенно ровным тоном: — У тебя какое-то дело?

Должно быть, совесть её всё же пошаливала: мать пугливо огляделась по сторонам и, лишь убедившись, что поблизости никого нет, заговорила:

— То, о чем я говорила тебе в прошлый раз... ты всё обдумал?

Чжоу-гэр долго молчал, не сводя глаз с земли. Наконец он поднял голову и в упор посмотрел

на мать:

— Матушка, ты уговариваешь меня разойтись с семьей мужа... Неужели ты и впрямь желаешь мне добра?

Тётушка Ли мгновенно занервничала и отвела взгляд, не в силах вынести этого взора.

— Любая мать желает своим детям только лучшего. Я ведь тебе не враг.

— Врагом ты мне никогда не была, это верно, — голос бедняги звучал надломленно. То ли усталость взяла свое, то ли это бегающее выражение глаз матери стало последней каплей, но слова его были резки и решительны: — Вот только и любви твоей я что-то не припомню.

Раньше он не смел говорить подобное, да и не видел в этом смысла, но сейчас обида, копившаяся годами, хлынула наружу:

— Если ты и вправду так за меня печешься, почему за все эти годы ты ни разу не навестила меня? Мы ведь живем почти по соседству! Когда я приходил к тебе, невестки попрекали меня каждым куском, а ты... ты хоть раз замолвила за меня словечко?

Она лишь беззвучно открывала и закрывала рот. Ей нечем было возразить.

А он продолжал, и голос его становился всё суровее:

— Отец звал меня не иначе как убыточным товаром, старшие братья помыкали мной как хотели. Ты говорила, что отец — глава дома и ты не смеешь ему перечить. Говорила, что в старости тебе придется полагаться на сыновей, а потому ты не можешь за меня заступаться. Ладно братья... но невестки? Я ведь твой родной сын, плоть от плоти!

С каждым словом на душе у него становилось всё горше. Старик Чжоу никогда не звал его по имени. Для него он всегда был лишь «убыточным товаром», бесполезной вещью, на которую только зря тратятся деньги.

Отец часто ворчал: «Какой прок тебя растить? Мучишься с тобой, кормишь, а ты всё равно уйдешь в чужую семью. Отрезанный ломоть, никакой пользы дому Чжоу». Старик Чжоу был остёр на язык и не считал свои слова обидными. Хоть он и презирал сына, но совесть у него еще теплилась — едой он его не обделял. Вот только порой ранят не побои и лишения, а это бесконечное, впивающееся в самую душу: «Убыточный товар. Лишний рот».

Тётушка Ли, пытаясь скрыть смятение, запричитала:

— Чжоу-гэр, послушай мать! Вернись со мной. Если не захочешь снова выходить замуж — не

надо, живи в родном доме. Братья тебя прокормят. Лю Сяовэнь сгинул где-то на чужбине, ему-то теперь легко, а тебе какво? На руках ребенок, да еще двое стариков сверху — как ты одна со всем этим справишься?

Фраза «Лю Сяовэнь сгинул где-то на чужбине» была произнесена так уверенно, что его самообладание рухнуло в одно мгновение.

— Что ты сказала? — прошипел он.

— Чжоу-гэр, пусть слова мои горьки, но ведь я мать! Я не желаю тебе зла! Я...

— Уходи! Слышишь? Прочь отсюда!

Разговор снова закончился ссорой. Как только тётушка Ли скрылась из виду, он бессильно опустился на землю и, спрятав лицо в ладонях, горько зарыдал.

За деревом неподалеку послышался шорох.

Чжао-гэр стоял, нахмурившись, а рядом тётушка Лю с покрасневшими глазами протягивала ему корзинку.

— Чжао-гэр, сходи... утешь его. А я... я, пожалуй, пойду домой.

В корзинке была фляга с водой. Юноша перевел дух, успокаиваясь, и только тогда подошел к другу.

Чжоу-гэр медленно поднял заплаканное лицо.

— Чжао-гэр? Ты как здесь? — его взгляд упал на знакомую корзинку в руках друга, и он сразу всё понял. — Свекровь тоже была здесь? Вы... вы всё слышали?

— Угу, — Чжао-гэр указал в сторону раскидистого дерева. — Пойдем присядем в тени, поговорим.

Работать сейчас у Чжоу-гэра всё равно не было сил. Они устроились на краю межи. Его друг пересказал ему вчерашние догадки Фан Цзычэня.

— Так вот оно что... — Чжоу-гэр опустил голову, рассеянно ковыряя заусеницу на большом пальце. — А я-то гадал, с чего она вдруг вспылала ко мне нежностью. Вот оно как... Понятно теперь.

— Муж просто предположил, не принимай это за чистую монету, — Чжао-гэр на мгновение заколебался, прежде чем добавить: — Может, мы просто слишком плохо о ней думаем.

— Нет, он прав, — тихо отозвался Чжоу-гэр.

— Друг мой, — Чжао-гэр перехватил его руку, — не надо, брось.

Чжоу-гэр всхлипнул, и взгляд его прояснился. Только теперь он заметил, что содрал кожу до крови, и резкая боль наконец пробилась сквозь оцепенение.

— Неужели я и вправду ей родной? Как она может так со мной поступать? — его плечи мелко дрожали. Плач вперемешку со стрекотом цикад резал слух Чжао-гэру.

— Знаешь, я никак не могу взять в толк, — продолжал он. — Почему некоторые родители бывают такими жестокими? Я родил Лю-лю, я люблю его и забочусь о нем не потому, что он мальчик. Будь он гэром или девочкой, я любил бы его так же сильно, он для меня — всё. А моя мать? Как она на меня смотрит? Раз я гэр и всё равно выйду замуж, значит, во мне нет никакого проку? В её глазах есть только мои братья, а для меня в её сердце не нашлось и крохотного уголка. Как можно быть такой бессердечной?

Чжао-гэр молчал. Ему нечего было на это ответить. В их краях не бывало такого, чтобы гэр или девушка вечно сидели в девках в родительском доме — даже если бы семья была не против, соседи заплевали бы их до смерти. Дядя Чжоу и тётушка Ли поступали подло, сын имел полное право негодовать, но самому Чжао-гэру не пристало судить старших.

Через некоторое время Чжоу-гэр немного успокоился.

— Дай мне воды... От этих слез совсем в горле пересохло.

Юноша подал ему флягу.

— Не бери в голову. Тётушка Лю всё слышала. Если решишь не возвращаться к матери — скажи свекрови прямо, чтобы она не терзалась сомнениями.

Она была доброй свекровью, искренне любила невестку и никогда бы не стала удерживать его силой или запрещать заново устраивать свою жизнь.

Чжоу-гэр кивнул:

— Я понимаю.

Когда пришло время, Фан Цзычэнь захлопнул счетную книгу и пулей помчался на третий этаж, будто там его дожидалась тайная зазноба.

— Сокровище моё, отец пришел!

Гуай-цзай, который в это время увлеченно малевал что-то кистью на бумаге, от радости едва не подпрыгнул и бросился к двери:

— Отец закончил работу! Отец скучал по Гуай-цзаю?

Отец подхватил его на руки:

— Конечно скучал!

Малыш просиял.

Ян Минъи поднялся со своего места:

— Брат Фан.

— Ну что, всё, что я на сегодня задал, написал? — поинтересовался Фан.

Юноша покачал головой:

— Еще нет.

Минъи был сообразительным малым, поэтому Цзычэнь не стал нагружать его горой заданий.

— Гуай-цзай тебе мешал?

Малыш, сидевший на руке у отца, захлопал ресницами. Его огромные черные глазки смотрели невинно, а на лице не было ни тени лукавства, но Минъи кожей почувствовал: стоит ему подтвердить, и Гуай-цзай тут же разразится слезами и навеки объявит ему бойкот. Юноша отвел взгляд и невозмутимо произнес:

— Нет, он почти всё время стоял у окна, смотрел на улицу. Совсем не шумел.

Но стоило ему договорить, как лицо Фан Цзычэня внезапно стало землисто-серым. Он стиснул зубы с таким видом, будто готов был кого-то загрызть, но злость эта явно не предназначалась Минъи.

— Брат Фан?

Отец перевел дух и, заглянув в тетрадь на столе, сменил тему:

— Сколько листов осталось?

— Два.

— Завтра в полдень проверю. Постарайся закончить сегодня или завтра с утра.

Минъи кивнул:

— Я понял.

— Тогда мы пойдем. Гуай-цзай, попрощайся с дядей Яном.

Малыш внезапно потянулся к юноше обеими ручками. Тот, помедлив, подошел поближе, и тут же маленькие ручонки крепко обхватили его за шею. Сын звонко чмокнул его в щеку:

— Ян-чжу, Гуай-цзай тебя любит!

Ян Минъи: «...»

Фан Цзычэнь со смешком шлепнул сына по пухлой попке:

— Ты чего это хулиганишь?

— Вовсе нет! — с самым серьезным видом заявил малыш, сжав маленькие кулачки. Сейчас его сообразительность явно зашкаливала. — Ян-чжу класавчик, Гуай-цзай потом на нем женится! Целовать своего фулана — это такая любовь!

Ян Минъи: «...»

Он впал в настоящий ступор, а из-за двери уже доносился издевательский хохот Фан Цзычэня:

— Ой-ой-ой, ты посмотри на него! Мал еще, а уже знает, кто такой фулан?

— Снаю! Как отец и папа. Потом Ян-чжу тоже будет спать вместе с Гуай-цзаем и звать его мужем!

Видя, как сладко мечтает сын, Цзычэнь едва не покотился со смеху. Он не принял эти слова всерьез, списав всё на детские игры — в три-то года у ребенка в голове серого вещества меньше, чем у поросенка.

— Ну хорошо, тогда отец начнет откладывать серебро тебе на свадебный выкуп, ладно?

— Ага! — Малыш в порыве благодарности поцеловал отца в щеку. — Давай двадцать вэней!

На двадцать вэней даже пол-окорока не купишь.

Фан понес сына в сторону Западной улицы. Он часто покупал там мясо и уже успел свести знакомство с владельцем лавки. Ему хотелось переговорить с ним насчет поставок свиной крови и кишок, а заодно прикупить пару крупных костей для бульона.

Торговля у Ли Да всегда шла бойко — за десять лет он обзавелся солидной толпой постоянных клиентов. Обычно он забивал по две свиньи в день, и к этому часу на прилавке оставалось от силы несколько фунтов обрезков. Но сегодня на прилавке сиротливо лежала целая половина туши.

Странно. Но еще страннее было то, что самого Ли Да на месте не оказалось. Вместо него мясом торговала статная женщина лет тридцати.

Еще издали Фан Цзычэнь увидел, как она рубит кости. То ли нож у неё был из небесной стали, то ли сама женщина обладала силой разъяренного быка, но после каждого её удара раздавался оглушительный грохот. Кость толщиной в руку разлеталась надвое с одного замаха, а тяжелый тесак намертво вгрызался в дубовую плаху.

Невероятная мощь!

Прохожие, даже те, кто видел это не впервой, невольно вздрагивали и старались обойти лавку по широкой дуге. В радиусе двух метров вокруг мясного прилавка не было ни души.

Он, прижимая к себе сына, смело зашагал вперед. Как только он свернул с Восточной улицы на Западную, Ли Яньмэй сразу его заметила.

Да и как было не заметить такого молодца? Статный, белокожий, с породистым лицом и гордой осанкой — на фоне остальных прохожих он сиял как драгоценный нефрит среди обычных

булыжников.

— Чего изволит молодой господин? — пропела она неожиданно тонким, елейным голоском.

Тут уж настала очередь Фан Цзычэня вздрагивать. По спине пробежал холодок: если вид её тесака его не напугал, то этот липкий, жеманный голос пронял до костей.

— Я... мне бы костей для бульона.

Женщина расплылась в улыбке:

— Минутку, красавчик.

Молодой человек замер, не зная, то ли бежать, то ли молиться.

<http://bllate.org/book/15357/1435271>